КЪ ВОПРОСУ О БѢЛОРУССКОЙ ТЕРРИТОРІИ.

Когда поднимается вопросъ о Бѣлоруссіи, какъ опредѣленной территоріальной единицѣ, какъ объ особомъ національно-политическомъ цѣломъ, то для выясненія этого вопроса недостаточно пользоваться только однимъ какимъ-либо критеріемъ, но необходимо принимать во вниманіе совокупность данныхъ, способныхъ служить матеріалами для указанной цѣли.

Нельзя, напримѣръ, пользоваться только данными исторіи, потому что данныя эти противорѣчивы, и если одни изъ нихъ говорятъ въ пользу несомнѣннаго права Бѣлоруссіи на національно-политическую самостоятельность, то другія, напротивъ того, могутъ служить доказательствомъ традиціонной зависимости бѣлоруссовъ отъ Литвы, Польши и Великороссіи.

Важнымъ критеріемъ при самоопредѣленіи народностей служитъ, какъ извѣстно, языкъ, и для бѣлоруссовъ свойственное имъ нарѣчіе можетъ считаться характернымъ признакомъ для обособленія ихъ отъ литовцевъ, поляковъ, малороссовъ и великоруссовъ. Однако, можно ли всегда руководствоваться въ установленіи предѣловъ извѣстной національно-политической территоріи только языкомъ или нарѣчіемъ. Мы знаемъ многіе примѣры, что на одномъ и томъ же языкѣ говорятъ жители различныхъ государствъ, сосѣднихъ между собою или даже отдаленныхъ: можно указать на Англію съ одной стороны и Соединенные Штаты Сѣверной Америки съ другой, или Францію—и романскую Швейцарію и Бельгію, или нѣмцевъ Германіи и нѣмцевъ Австріи и Швейцаріи и т. п. И наоборотъ, мы имѣемъ примѣры другихъ государствъ, гдѣ нѣсколько національностей, нѣсколько языковъ или нарѣчій мирно уживаются въ предѣлахъ одного государства на условіи полной равноправности, напримѣръ, въ Швейцаріи (нѣмцы, французы, итальянцы), Бельгіи (фламандцы и валлоны), Франціи, Италіи и т. д. Родственныя между собою нарѣчія часто бываютъ не рѣзко обособлены и переходятъ одно въ другое на границахъ своего распространенія, причемъ границы эти колеблются и иногда существенно измѣняются въ теченіе столѣтія или даже полувѣка. Народность можетъ разселяться далеко за предѣлы своей исконной территоріи, и острова ея могутъ встрѣчаться разсѣянными на территоріяхъ другихъ народовъ. И наоборотъ, въ ея предѣлы могутъ вселяться пришлые элементы и образовывать колоніи, иногда занимающія большіе участки и долго сохраняющія всѣ особенности пришлой народности. Таковы, напримѣръ, колоніи нѣмцевъ въ Южной Бразиліи и въ разныхъ частяхъ Россіи, литовцевъ и поляковъ въ Канадѣ, русскихъ въ За-

кавказьи, Средней Азіи и т. д. Что касается бѣлоруссовъ, то они также участвуютъ въ переселенческомъ движеніи на востокъ, а отчасти распространились и по окраинамъ своей территоріи насчетъ литовцевъ малороссовъ, великоруссовъ, или наоборотъ, должны были уступить часть своей земли распространявшимся за ихъ счетъ языкамъ литовцевъ поляковъ, малороссовъ и т. д. И конечно, когда идетъ рѣчь объ установленіи прочныхъ границъ извѣстной національно-политической территоріи, нельзя руководствоваться такими колеблющимися измѣненіями въ границахъ нарѣчій и говоровъ, а слѣдутъ держаться болѣе опредѣленныхъ и естественныхъ географическихъ, историческихъ и національныхъ рубежей.

Принадлежность къ той или иной народности можетъ опредѣляться кромѣ языка или нарѣчія, еще извѣстной общностью культуры и истори, ческихъ традицій, всѣмъ тѣмъ, что обусловливаетъ національное самосознаніе. Сосѣднія народности могутъ говорить на разныхъ нарѣчіяхъ, имѣть даже разную исторію, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ быть такъ сплочены между собою извѣстными событіями въ ихъ общей исторической жизни, извѣстными традиціями и идеалами, что сознаютъ себя составляющими одну общую націю. Таковы, напримѣръ, сѣверные французы и южные провансальцы; послѣдніе родственны по языку и своей средневѣковой исторіи въ большей степени испанскимъ каталонцамъ, чѣмъ собственно французамъ (Languezd'oil), тѣмъ не менѣе они сознаютъ себя вполнѣ французами, гражданами общаго отечества Франціи, одной и нераздѣльной (une et indivisible).

Итальянцы на протяженіи отъ Пьемонта и Венеціи до Сициліи и Сардиніи распадаются на рядъ народностей и нарѣчій, входившихъ долгое время въ составъ различныхъ государствъ, и однако, не смотря на нѣкоторый экономическій антагонизмъ между Сѣверомъ и Югомъ Италіи, всѣ части ея сознаютъ себя членами одного цѣлаго, единой Италіи. Тоже можетъ быть сказано и о нѣмцахъ, несмотря на различіе состава населенія, исторіи и нарѣчій Сѣвера и Юга Германіи. Три вѣтви русскаго народа—великоруссы, малороссы и бѣлоруссы—тоже разнятся между собою не по одному только языку или нарѣчію, но и по историческимъ традиціямъ и по всему складу быта и культуры. И встрѣчается такое явленіе, что извѣстная группа бѣлоруссовъ, напримѣръ, утратила свой языкъ и говоритъ уже на южно-великорусскомъ нарѣчіи, но она сохранила еще бѣлорусскія особенности въ жилищѣ, хозяйствѣ и другихъ подробностяхъ быта. Можно-ли, однако, считать такія группы все таки бѣлорусскими, не обращая вниманія на утрату ими бѣлорусскаго нарѣчія. Едва-ли, тѣмъ болѣе, что и бѣлоруссы, и малороссы, и великоруссы — въ различныхъ мѣстностяхъ, подъ вліяніемъ различныхъ условій среды, выказываютъ различія въ своемъ быту, причемъ иногда различныя народности подъ вліяніемъ одинаковыхъ условій усвоили себѣ одинъ и тотъ же типъ жилья, одежды и т. д., и наоборотъ, одинъ и тотъ же народъ въ различныхъ

условіяхъ существованія выказываетъ различія и во многихъ особенностяхъ своего быта.

Однимъ изъ способовъ провѣрки народнаго стремленія къ самоопредѣленію и желанія извѣстной народности войти въ составъ того или другого изъ сосѣднихъ между собою государствъ, является, какъ извѣстно-плебисцитъ, т. е. анкета или опросъ населенія въ соотвѣтственныхъ цѣляхъ. Такой опросъ возможенъ однако или практически удобоисполнимъ лишь по отношенію къ ограниченной территоріи и сравнительно немногочисленному населенію, какъ это имѣло, напримѣръ, мѣсто 60 лѣтъ тому назадъ въ Ниццѣ и ея округѣ. Тогда французскими властями было предложено населенію нынѣшняго департамента Приморскихъ Альпъ высказаться, желаетъ ли оно отойти къ Франціи или остаться въ подданствѣ Сардиніи, и большинство высказалось за присоединеніе къ Французской Имперіи—фактъ, который многіе объясняли въ то время принятыми со стороны французскихъ властей административными мѣрами воздѣйствія. Во всякомъ случаѣ устройство плебисцита требуетъ согласія того правительства, войска котораго занимаютъ данную территорію, а на это расчитывать не всегда можно, тѣмъ болѣе, что такая анкета на обширной территоріи требуетъ немалыхъ хлопотъ и расходовъ. Кромѣ того, таи кая анкета предполагаетъ полную политическо-національную сознательность населенія, и въ концѣ концовъ результаты ея могутъ быть использованы различно, смотря по желанію производящихъ анкету. Положимъ, напримѣръ, требуется выяснить желаніе населенія, предназначеннаго войти въ составъ государства Литовскаго; допустимъ, что всѣ литовцы, поляки и часть евреевъ выскажутся за отдѣленіе отъ Россіи и единеніе съ Литвой, а всѣ бѣлоруссы и великоруссы предпочтутъ остаться по прежнему въ связи съ общерусскимъ государствомъ и въ частности съ Великороссіей. Результаты такой анкеты предвидѣть не трудно; такъ какъ число первыхъ будетъ больше, то бѣлоруссы останутся въ меньшинствѣ и должны будутъ подчиниться рѣшенію большинства, т. е. прочихъ народностей.

Между тѣмъ, несомнѣнно, что Бѣлоруссія имѣетъ основанія претендовать на автономію, на политическо-національную самостоятельность, и притомъ въ ближайшемъ общеніи съ найболѣе родственной ей народностью, великорусскою. Это можетъ быть доказываемо ея исторіей, этнографіей, всѣми особенностями ея населенія, его языка и быта. Бѣлорусское населеніе давно уже выдѣлилось и въ собственномъ сознаніи, и въ представленіи сосѣднихъ съ нимъ народностей въ особый народъ. Давно, со времени объединенія западно-славяно-русскихъ княжествъ подъ властью великихъ князей Литовскихъ, за тысячу и болѣе лѣтъ тому назадъ, во времена, которыя для Россіи могутъ быть названы еще доисторическими, взамѣнъ одной бѣлорусской народности на занимаемой ею нынѣ территоріи, жило нѣсколько отдѣльныхъ славяно-русскихъ племенъ, а именно полочане (полоцкіе кривичи), смоленскіе кривичи, дреговичи (между Припятью и Зап. Дви-

ной) и радимичи (по Сожу и между нимъ и Днѣпромъ). Радимичей лѣтописное преданіе ставитъ въ ближайшее родство съ вятичами и производитъ ихъ отъ двухъ легендарныхъ братьевъ, Радима и Вятка, сыновей Ляха, причемъ вятичи были, какъ извѣстно, главными прародичами южно-русской вѣвки великоруссовъ. Извѣстный нашъ славистъ академикъ Шахматовъ понимаетъ это преданіе такъ, что радимичи были ляхи, что таковыми же были вѣроятно и дреговичи. По его мнѣнію радимичи жили нѣкогда восточнѣе, въ бассейнѣ Оки, въ нынѣшнихъ Рязанской, Тульской и Калужской губерніяхъ; къ сѣверу же отъ Припяти жили дреговичи, вѣроятно, немногочисленные, которыеподверглись сильному вліянію древлянъ, перешедшихъ Припять съ юга. Съ другой стороны побѣдители древляне восприняли нѣкоторыя ляшскія черты языка дреговичей (цеканье, дзеканье, шепелявство) и этимъ положили начало древнѣйшему языку бѣлорусскому. Вятичи же, по Шахматову, не были ляшскимъ племенемъ, а русскимъ, и первоначально жили въ сѣверной части Донецкаго бассейна, гдѣ и образовалось ихъ нарѣчіе, легшее въ основу нынѣшняго южно-великорусскаго съ его аканіемъ. Когда Святославъ въ X вѣкѣ разгромилъ хазаръ, которымъ вятичи (и радимичи) платили дань, и на юго-востокѣ Россіи появились половцы, вятичи стали отступать на сѣверъ и сѣверо-западъ и въ XI вѣкѣ появились на Окѣ, гдѣ ихъ и застаетъ начальная лѣтопись. Здѣсь они потѣснили радимичей и заставили ихъ перейти въ сѣверное Поднѣпровье, на р. Сожъ. Общеніе радимичей съ вятичами продолжалось достаточно долго, чтобы радимичи могли усвоить языкъ вятичей, удержавъ, однако, нѣкоторыя ляшскія особенности. Отступивъ къ западу, радимичи передали свой языкъ и западнымъ кривичамъ (судя по языку древняго Пскова), и тѣмъ содѣйствовали распространенію бѣлорусскаго нарѣчія, которое, по Шахматову, представляетъ соединеніе двухъ наслоеній, перваго, древнѣйшаго, роднящаго бѣлорусскій языкъ съ малорусскимъ, и второго позднѣйшаго, роднящаго бѣлорусскій языкъ съ южно-великорусскимъ. Послѣдній оказалъ большее вліяніе; ему обязанъ бѣлорусскій языкъ своимъ аканіемъ и редукціей неударяемыхъ гласныхъ а, о, є; малорусскія же особенности были внесены языкомъ древлянъ, передавшихъ ихъ дреговичамъ и радимичамъ.

Такова гипотеза акад. Шахматова. Насколько она вѣрна, рѣшить это могутъ только слависты-филологи. Замѣчу только, что она допускаетъ рядъ предположеній, не основанныхъ на опредѣленныхъ свидѣтельствахъ, какъ то, что радимичи были ляхи, а вятичи не ляхи, что вятичи и радимичи жили нѣкогда южнѣе и восточнѣе, что вятичи передали свой языкъ радимичамъ, а тѣ западнымъ кривичамъ и дреговичамъ, что еще ранѣе дреговичи испытали вліяніе древлянъ и т. д. Притомъ теорія эта предполагаетъ возможность сравнительно скораго усвоенія одной народностью языка другой, что вообще трудно допустить, а въ древнее время при раз-

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что бѣлорусская народность сложилась изъ нѣсколькихъ, разнившихся между собою по своимъ языкамъ или нарѣчіямъ, а вѣроятно, также и по своимъ политическимъ и экономическимъ интересамъ, судя по тому, что онѣ образовали три княжества, имѣвшихъ раздѣльное политическое существованіе, — Полоцкое, Смоленское и Турово-Пинское. Княжества эти были однако, не настолько сильныя, чтобы оградить себя собственными силами отъ притязаній сосѣдей, изъ коихъ особенно опасными были нѣмцы въ Прибалтійскомъ краѣ. Полоцкое княжество первое было вынуждено искать защиты себѣ у Великаго Княжества Литовскаго, а позже и другія княжества добровольно подчинились Литвѣ. войдя въ составъ ея территоріи. Съ этого времени, приблизительно съ XIII вѣка, ведетъ какъ полагаютъ, свое существованіе и бѣлорусская народность съ ея нарѣчіемъ, образовавшаяся изъ вошедшихъ въ ея составъ племенныхъ элементовъ. Судя по древнѣйшимъ центрамъ западныхъ русскихъ княжествъ, можно сдѣлать предположеніе, что образованіе бѣлорусской народности происходило сначала главнымъ образомъ на сѣверѣ, въ бассейнѣ Западной Двины и верхняго Днѣпра и на западѣ — въ бассейнѣ Нѣмана и въ верховьяхъ Припяти, откуда эта народность распространилась къ востоку и югу, за Днѣпръ и до Десны (хотя такое предположеніе не будетъ гармонировать съ теоріей Шахматова, приписывающаго образованіе бѣлорусской народности главнымъ образомъ радимичамъ).

Встрѣтили ли западно-русскія племена на занятой ими территоріи какихъ-либо первоначальныхъ засельниковъ, предшествовавшихъ имъ въ занятіи страны, въ точности неизвѣстно, но возможно допустить, что такіе предшественники были. Археологія свидѣтельствуетъ, что западно-русскій край былъ заселенъ еще въ отдаленную эпоху каменнаго вѣка. Здѣсь неоднократно находили въ землѣ, на пашняхъ, въ лѣсу, по берегамъ рѣкъ—каменныя издѣлья неолитическаго вѣка, какъ, напримѣръ, обточенные изъ разныхъ породъ камня топоры, долота, молотки, а также обитые изъ кремня наконечники копій, стрѣлъ, ножи, скребки и т. п. Такъ, въ Сѣнненскомъ уѣздѣ Могилевской губ. на берегу Богдановскаго озера, гдѣ были открыты курганы X вѣка, подъ ними на глубинѣ $1^1/_2$ арш. найдены очаги съ обожженными костями, золою и углями, черепки отъ разбитой посуды, кости животныхъ, служившихъ, очевидно, въ пищу, рыбья чешуя и каменныя шлифованныя орудія. Чаще всего каменныя орудія находятъ въ пескахъ, по берегамъ рѣкъ (Днѣпра, Сожи, Ипути, Нѣмана и т. д.), гдѣ такія издѣлья обнаруживаются благодаря особенно развѣвательной дѣятельности вѣтра. Мѣстами вѣтеръ открываетъ цѣлыя «селища»,— обширныя площади, до 1—4 верстъ длиною, съ многочисленными черноземными площадками, очевидно, слѣдами бывшихъ жилищъ, на которыхъ находятъ кремневыя отбивныя орудія, также глиняные черепки, перегорѣлые камни отъ очаговъ, а въ нѣкоторыхъ селищахъ были найдены даже мастерскія орудій каменнаго вѣка и горшечной посуды. Возможно, что кое гдѣ,

въ предѣлахъ края, существовали человѣческія поселенія и въ болѣе древній, палеолитическій періодъ, когда климатическія условія страны и ея животный миръ отличались отъ современныхъ, когда современниками человѣка были мамонтъ (ископаемый слонъ), покрытый шерстью носорогъ и другіе вымершіе впослѣдствіи виды животныхъ. О существованіи тогда здѣсь человѣка можно предполагать на томъ основаніи, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Бѣлоруссіей, на Деснѣ, въ Кролевецкомъ уѣздѣ Черниговской губ., у с. Мезина, была открыта палелетическая стоянка (изслѣдованная умершимъ нѣсколько недѣль томуназадъ проф. Ѳ. К. Волковымъ), со многими остатками мамонта и другихъ животныхъ четвертичной эпохи, со слѣдами очаговъ, разбитыми костямм и съ характерными издѣльями изъ кремня и кости (въ томъ числѣ и мамонтовой), между прочимъ, съ своеобразными изображеніями птичекъ, фаллусовъ и т. п. По словамъ Романова кости мамонта вмѣстѣ съ каменными орудіями были найдены въ старицахъ р. Сожа, въ Гомельскомъ уѣздѣ и на р. Лучесѣ, вблизи Витебска. Въ Смоленской губ. найдены были крупныя, приготовленныя обивкою, миндалевидныя орудія изъ кремня палеолитическаго типа Сентъ Ашейль, однако при неизвѣстности условій этой находки нельзя судить, принадлежали ли эти орудія палеолиту, или, можетъ быть, вѣрнѣе, уже началу неолита, тѣмъ болѣе, что, какъ показываютъ нѣкоторыя находки, сдѣланныя въ западной Европѣ и въ Россіи, начало неолита характеризуется издѣльями изъ кремня грубыхъ типовъ и крупныхъ размѣровъ, напоминающими пройденныя уже давно стадіи палеолитическаго періода.

Каменный вѣкъ продолжался очень долго, и въ странахъ западной Европы, какъ палеолитическій, такъ и неолитическій періоды могутъ быть подраздѣлены на нѣсколько эпохъ, причемъ позднѣйшая эпоха неолитическаго періода характеризуется значительно болѣе высокимъ уровнемъ культуры населенія, пришедшаго, какъ можно думать, съ юга и востока, и принесшаго съ собою знакомство съ скотоводствомъ и земледѣліемъ. Къ этой позднѣйшей эпохѣ относятся такъ называемыя свайные постройки, т. е. жилища и цѣлыя селенія, строившіяся на сваяхъ въ мелкихъ мѣстахъ озеръ, въ Швейцаріи, южной Германіи, юго-западной Австріи, юговосточной Франціи, сѣверной Италіи. Въ остаткахъ отъ этихъ свайныхъ построекъ, сохранившихся на днѣ озеръ въ покрывающемъ его илѣ, были найдены не только предметы изъ камня и глины, но также издѣлья изъ кости, рога, дерева, веревки, сѣти, обрывки тканей, зерна, злаковъ, плоды и проч., сохранившеся благодаря ихъ обугливанію, такъ какъ большая часть этихъ построекъ погибла отъ пожаровъ. Вѣроятно, что подобные остатки и сваи будутъ найдены и въ нѣкоторыхъ озерахъ и болотахъ Бѣлорусскаго края, и даже неоднократно появлялись извѣстія о подобныхъ находкахъ, но либо эти извѣстія не подтверждались раскопками, либо онѣ не могли быть провѣрены систематическимъ изслѣдованіемъ. За то несомнѣнно существованіе въ древности въ каменный и позднѣйшіе вѣка, множества «городковъ» или укрѣпленій, называемыхъ обычно «городищами», устраивавшихся боль-

шей частью на стрѣлкахъ между двумя рѣчками и ограждавшихся, кромѣ того, рвами и валами. Такихъ городковъ, обычно небольшихъ размѣровъ, 8—10 саж. въ длину и ширину на верхней площадкѣ (позднѣйшіе бывали и большихъ размѣровъ) разсѣяно по Сѣверо-западному краю множество. Проф. Завитневичъ насчиталъ ихъ до 1000 въ Минской губ., а Романовъ—въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Ковенской, Витебской, Минской и Могилевской—насчитываетъ около 2000. Крупнѣйшимъ изъ нихъ Романовъ признаетъ городище Друцкое, бывшее позже, въ X—XIII вв. резиденціей князей Друцкихъ.

Были ли обитатели Бѣлорусскаго края каменнаго вѣка предками нынѣшнихъ бѣлоруссовъ или инымъ народомъ, впослѣдствіи вымершимъ или выселившимся, сказать опредѣленно нельзя. Съ одной стороны, у бѣлоруссовъ въ числѣ многихъ сохранившихся у нихъ съ незапамятныхъ временъ пережитковъ старины, повѣрьевъ, обычаевъ, преданій и т. д., сохранилась повидимому и смутная память о каменномъ вѣкѣ. Мнѣ самому пришлось слышать отъ одного вѣтхаго старика въ одной деревнѣ близь верховьевъ Западной Двины разсказъ о томъ, что въ давнія времена люди не знали косы, а пользовались взамѣнъ ея долотомъ; старикъ не могъ объяснить изъ какого матеріала сдѣлано было это долото, но я предполагаю, что оно было каменное, судя по тому, что подобныя же преданія и основанные на нихъ обычаи имѣются и у другихъ народовъ, предки которыхъ, несомнѣнно, прошли стадію каменнаго вѣка *).

Съ другой стороны, однако, есть основаніе думать, что территорія нынѣшней Бѣлоруссіи была занята въ доисторическія времена другими народами. Академикъ Шахматовъ доказываетъ, напримѣръ, что славяне жили первоначально въ бассейнѣ Вислы и у Балтійскаго моря, что къ нимъ съ востока примыкали балты, т. е. предки пруссовъ, литовцевъ, латышей, къ югу отъ коихъ обитали финны, (а къ западу германцы). Еще Надеждинъ (въ 1830-хъ годахъ) указывалъ на то, что многія извѣстныя (хорологическія) названія не только средней Россіи, но и западнаго края, не славянскія, а финскія. Славяне, распространяясь къ востоку и югу отъ своего первоначальнаго мѣста обитанія, должны были разселяться не только среди литовцевъ, но отчасти среди финновъ, большая часть которыхъ, впрочемъ, ушла отсюда по направленію къ Балтійскому морю и на востокъ и сѣверъ. Существуетъ мнѣніе, что бѣлоруссы представляютъ собою болѣе чистую отъ примѣсей вѣтвь русскаго народа, чѣмъ малороссы, воспринявшіе въ себя иранскую и тюркскую кровь и чѣмъ великоруссы, включившіе въ свой составъ много финскихъ элементовъ, а отчасти, особенно въ средѣ дворянства, также тюркскую и другую инородческую примѣсь. Въ извѣстной степени это, можетъ быть, и справедливо, но несомнѣнно, что и въ бѣлорус-

---

*) У малайцевъ, напримѣръ, сохранился кое-гдѣ обычай, при жатвѣ риса начинать ее съ того, что дочь хозяина (или родственница) — дѣвица срѣзаетъ нѣсколько колосьевъ въ жертву духамъ, но срѣзаетъ ихъ не желѣзнымъ серпомъ, а особымъ орудіемъ изъ кремня.

скую народность долженъ былъ войти отчасти финскій элементъ, и кромѣ того литовско-латышскій и отчасти польскій. Неоднократно указывалось на сходство физическаго типа бѣлоруссовъ съ литовскимъ, на большее преобладаніе у нихъ, сравнительно съ великоруссами, а тѣмъ болѣе малороссами, бѣлокураго элемента, свѣтловолосости, а особенно свѣтлоглазости (голубые глаза). До сихъ поръ, впрочемъ, антропологическое изученіе бѣлоруссовъ мало подвинулось впередъ, и мы не знаемъ, какія особенности выказываетъ физическій типъ бѣлоруссовъ въ разныхъ частяхъ западнаго края и какіе онъ представляетъ переходы къ сосѣднимъ съ бѣлоруссами народностямъ.

Каменный вѣкъ смѣнился металлическимъ, причемъ во многихъ странахъ Европы и Азіи употребленію желѣза предшествовало знакомство съ мѣдью и бронзой. Въ западномъ краѣ, въ предѣлахъ Литвы, также были сдѣланы кой-какія находки бронзовыхъ орудій, но сравнительно очень немногочисленныя, а собственно въ Бѣлоруссіи такихъ находокъ, повидимому, и совсѣмъ неизвѣстно. Кажется, что въ эту отдаленную эпоху западный край стоялъ въ сторонѣ отъ культурныхъ теченій, шедшихъ съ юга и востока, изъ черноморскихъ греческихъ колоній, съ Урала и Кавказа,- теченій приносившихъ знакомство и съ бронзой. Большіе слѣды торговыхъ сношеній могутъ быть констатированы для позднѣйшихъ эпохъ желѣзнаго вѣка, для времени Римской имперіи (къ этому времени относятся находки серебрянныхъ римскихъ монетъ первыхъ вѣковъ нашей эры и первой половины средневѣковья). Къ древнѣйшимъ могиламъ края принадлежатъ, такъ наз. погребальные валы и похоронныя поля, въ которыхъ находятъ урны или горшки съ пепломъ и мелкими пережженными костями (отъ трупосожженія) и кусочками сплавленной бронзы (отъ украшеній), желѣза, перегорѣвшихъ бусъ и т. п. Такой типъ погребенія былъ обыченъ въ извѣстную эпоху въ Польшѣ, Помераніи и т. д., откуда онъ, можетъ быть, и былъ занесенъ въ Витебскую губ. и даже восточнѣе—до Днѣпра и Сожа. Наиболѣе часто встрѣющійся видъ древнихъ погребеній, это курганы, обычно невысокіе, 1—3 арш. высоты, рѣдко до 6—7 арш. Они разсѣяны группами (кладбищами), и такихъ группъ—лѣтъ 10—20 тому назадъ—насчитывали по нѣсколько сотъ и даже тысячъ въ губерніи. (Въ Витебской, напримѣръ, около $10^1/_2$ тысячъ, въ Могилевской около $9^1/_2$, въ Минской проф. Завитневичъ насчитываетъ ихъ до 3000). Большинство кургановъ относится къ IX—XI вѣкамъ, когда уже установился торговый путь по Днѣпру «изъ Варягъ въ Греки» и вообще торговыя сношенія края стали болѣе оживленными. Этимъ объясняются, очевидно, находки въ курганахъ серебрянныхъ монетъ, особенно восточныхъ, арабскихъ, времени отъ 823 до 1025 г., а также германскихъ и англо-саксонскихъ конца X и начала XI в. и — въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ—русскихъ князей Владиміра и Ярослава. Очень часто такія монеты съ придѣланными къ нимъ мѣдными ушками служили подвѣсками. Привозными слѣдуетъ считать и находимыя въ курганахъ бусы (янтарныя, стеклянныя, сердоликовыя, серебрянныя, бронзовые браслеты,

гривны, сери, височныя кольца, пряжки, фибулы, перстни, булавки, прорѣзныя бляшки, иногда крестики, а въ мужскихъ могилахъ желѣзные ножи, топоры, наконечники копій, рѣдко мечи, длинные, обоюдоострые, норманскаго типа. Въ могилахъ встрѣчаются два вида погребеній: простое погребеніе и трупосожженіе; послѣднее сравнительно рѣдко (около 10%) и возникло, вѣроятно, подъ вліяніемъ варяговъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ образовалась бѣлорусская народность, ея территорія стала извѣстна у окружающихъ народовъ подъ именемъ Бѣлой Россіи—названіе, происхожденіе котораго не объяснено, подобно тому, какъ и, напримѣръ, названія Бѣлаго и Чернаго морей*). Довольно распространенное мнѣніе, что названіе Бѣлая Русь объясняется преобладаніемъ бѣлаго цвѣта въ одеждѣ мѣстнаго населенія, едва ли правильно, хотя въ подтвержденіе приводили аналогичное геродотовское названіе одного народа, жившаго къ сѣверу отъ скиѳовъ, меланхлены (чернокафтанники). Такое объясненіе мало вѣроятно потому, что названіе Бѣлая Русь относится собственно къ территоріи, а не къ народу, на который оно перенесено уже съ территоріи, и что оно аналогично названію Червонная (Красная) Русь, прилагавшемуся къ Руси Галицкой, которое также не можетъ быть объяснено, но которое не перешло на названіе народа**).

Какъ бы то ни было, названіе Бѣлая Россія появляется въ XIII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ германскихъ хроникахъ, а въ XV вѣкѣ мы видимъ его и на первыхъ западноевропейскихъ печатныхъ картахъ, хотя въ началѣ примѣненіе этого названія не было еще твердо установлено и оно употреблялось то въ болѣе широкомъ, то въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Такъ, на одной изъ первыхъ печатныхъ картъ вообще и на первой картѣ Германіи или Средней Европы въ частности, составленной кардиналомъ Николаемъ Кузаномъ въ 1460 г., но изданной уже по смерти автора въ 1491 г., нанесены — **Polonia, Prussia, Samogitia, Livonia, Littuania, Podolia, Russia** (Галицкое княжество), а къ востоку отъ Днѣпра имѣется надпись **Russia alba Sive Moskovia** (Бѣлая Россія или Московія). Такимъ образомъ названіе Бѣлой Россіи связано здѣсь съ Великимъ Княжествомъ Московскимъ и распространяется только на восточную окраину Бѣлоруссіи, къ востоку отъ Днѣпра. На нѣкоторыхъ картахъ XVI вѣка названіе Бѣлая Россія перенесено еще дальше отъ Бѣлоруссіи, на сѣверъ, на одну широту съ

---

*) Названіе Черное море явилось, можетъ быть, какъ антитезъ Бѣлому, но не нашему сѣверному Бѣлому, а южному, именно восточной части Средиземнаго моря, извѣстнаго у турокъ подъ именемъ Бѣлаго. Въ противоположность бѣлому, свѣтлому, солнечному, южному морю—сѣверное, уходящее въ страну мрака море получило названіе Чернаго.

**) Названіе Червонная Русь можетъ быть осмысленное изъ Червенной Руси, которое обнимало первоначально Червенскіе города, названые такъ по имени главнаго или перваго изъ нихъ, города Червна (Червона). Для нѣкоторой части западной Украины было еще въ ходу названіе Черная Русь. Его можно видѣть на картѣ Сансона XVIII в. на пространствѣ отъ Холма до Львова.

владѣнія насчетъ польскаго и руссофикаціи края чрезъ посредство церкви, школы, суда и т. д.

Хотя названіе Бѣлой Россіи извѣстно, какъ мы уже сказали, всѣмъ сосѣднимъ съ бѣлоруссами народностямъ, но оно, повидимому, менѣе употребительно, чѣмъ это можно было бы предполагать. Такъ, напр., украинцы смѣшиваютъ бѣлоруссовъ съ литовцами, по крайней мѣрѣ, называютъ ихъ обычно также литвинами. Въ русскихъ документахъ XVII вѣка бѣлоруссы часто тоже не отличаются отъ литовцевъ, да и теперь въ прилегающихъ къ Бѣлоруссіи губерніяхъ, напр, въ восточныхъ уѣздахъ Смоленской, на части Бѣлорусской территоріи смотрятъ какъ «Литву» или даже какъ на «Польшу». Польскіе писатели видятъ въ Бѣлоруссіи большей частью Русь Литовскую и склонны разсматривать бѣлоруссовъ какъ народность болѣе близкую къ полякамъ, чѣмъ къ великоруссамъ, или малороссамъ,—взглядъ, который если принять гипотезу акад. Шахматова—не лишенъ нѣкотораго основанія. Занимая довольно обширную территорію, обхватывающую нѣсколько губерній, бѣлоруссы сосѣдятъ съ нѣсколькими народностями, съ которыми они отчасти смѣшались, подпали ихъ вліянію, а отчасти, наоборотъ, подчиняютъ ихъ своему. Такъ на сѣверѣ-западѣ сосѣдями ихъ являются латыши; на западѣ литовцы и поляки, изъ которыхъ послѣдніе имѣютъ болѣе сильное вліяніе, въ результатѣ котораго часть бѣлоруссовъ окатоличилась и ополячилась; на югѣ мѣстами трудно провести рѣзкую границу между бѣлоруссами; на востокѣ замѣчаются переходы отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ южному великорусскому, которое съ течечіемъ времени распространяется насчетъ бѣлорусскаго. Мѣстами, однако, бѣлорусская рѣчь вытѣсняетъ сосѣднія; такъ, напр., въ Курляндской губ. она кое гдѣ вытесняетъ латышскую, а въ Виленской—литовскую. Граница между нарѣчьями идетъ вообще извилистою линіею, особенно на западѣ, гдѣ она образуетъ три—четыря большихъ выступа, обращенныхъ къ западу и раздѣленныхъ соотвѣтственными выступами, обрашенными къ востоку. Первые соотвѣтствуютъ распространенію бѣлоруссовъ, вторые—латышей и литовцевъ. На востокѣ имѣется также слегка извилистая граница, причемъ выступы направлены болѣе съ востока на западъ. На югѣ бѣлоруссы выдвинулись широкимъ клиномъ по теченію Припяти до впаденія ея въ Днѣпръ, но и малороссы, къ западу отсюда, подвинулись широкой полосой къ сѣверу, заселивъ всѣ Пинскія болота, большую часть Полѣсья, до самой Припяти, даже перейдя ее и р. Ясельду. Эти полѣсскіе малороссы, полѣщуки и пинчуки, отличаются отъ болѣе южныхъ, степныхъ украинцевъ и физическимъ типомъ, и нарѣчіемъ и многими особенностями быта, представляя какъ бы переходъ къ бѣлорусскимъ полѣхамъ, также занесеннымъ сюда въ лѣса и болота Волынско-Минскаго Полѣсья.

Извѣстный изслѣдователь бѣлоруссовъ, академикъ Карскій насчитываетъ 14 губерній, въ предѣлахъ которыхъ распространены бѣлоруссы, именно: Витебская, Курляндская, Ковенская, Сувалкская, Виленская, Грод-

ненская, Минская, Могилевская, Черниговская, Орловская, Калужская, Смоленская, Тверская и Псковская, и указываетъ еще на бѣлорусскія поселенія и на слѣды бѣлорусскаго нарѣчія въ губерніяхъ Курской, Харьковской, Нижегородской, Московской и др. Но, конечно, говоря о сплошной и безспорной территоріи, мы не можемъ принимать во вниманіе островов и мелкихъ развѣтвленій бѣлорусской народности, занимающихъ только окраины губерній и насчитывающихъ по нѣсколько сотъ или тысячъ, самое большее по 2—3 десятковъ тысячъ бѣлорусскаго народа. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ окраинныхъ губерній Карскій, не обладая достаточными статистическими свѣдѣніями, предполагаетъ большее число бѣлоруссовъ, чѣмъ оно приводится въ официальныхъ источникахъ, напримѣръ, болѣе 10 тысячъ для Калужской, до 45 тыс. для Тверской, но онъ не представляетъ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мнѣ представляется, что необходимо исключить губерніи съ малымъ числомъ бѣлоруссовъ, не только такія какъ Харьковскую, Курскую, Московскую, но и Калужскую, Орловскую, Тверскую, Псковскую, Курляндскую, Сувалкскую и почти всю Ковенскую. Остается такимъ образомъ семь губерній, но и онѣ не могутъ войти цѣликомъ въ бѣлорусскую территорію, отчасти потому, что бѣлоруссы занимаютъ только меньшую часть этихъ губерній, а отчасти вслѣдствіе того, что по Брестскому договору нѣкоторыя доли бѣлорусской земли должны отойти къ Литвѣ и Польшѣ. По этому договору именно западная граница Бѣлоруссіи выпрямляется и отъ нея отходятъ три обращенные на западъ выступы. Сѣверный изъ нихъ небольшой и заключаетъ въ себѣ часть Двинскаго уѣзда, Витебской губ. и часть Ново-Александровскаго Ковенской губ. Въ Двинскомъ уѣздѣ бѣлоруссы не составляютъ большинства населенія, такъ же какъ и въ Ново-Александровскомъ, гдѣ преобладаетъ польская и литовская рѣчь, хотя имѣется и рядъ волостей исключительно бѣлорусскихъ. Второй выступъ больше и образованъ частью Виленской губ., уѣздами Виленскимъ, Трокскимъ, частями Свенцянскаго и Ошмянскаго. Въ Трокскомъ уѣздѣ бѣлоруссы составляютъ только $^1/_6$—$^1/_7$ населенія (преобладаютъ литовцы), въ Виленскомъ—около 30%, въ Свенцянскомъ—до 45%, въ Ошмянскомъ—до 80%, но изъ этихъ двухъ послѣднихъ уѣздовъ отходятъ только западныя части, гдѣ процентъ бѣлоруссовъ меньше. Что касается Вильны, то городъ этотъ, нѣкогда бывшій культурнымъ центромъ Бѣлой Россіи, выказываетъ очень мало бѣлорусскаго; бѣлоруссы составляютъ въ немъ только $^1/_{24}$ его населенія, и преобладаютъ въ немъ евреи (62 т.), поляки (50 т.) и великоруссы (31 т.); литовцевъ имѣется еще меньше, чѣмъ руссовъ (около 3 т.). Третій, самый большой выступъ обнимаетъ Гродненскую губернію съ уѣздами Гродненскимъ, Сокольскимъ, Бѣлостокскомъ, частями Бѣльскаго, Пружанскаго, Волковыскаго и часть Лидскаго уѣзда, Виленской губ. Здѣсь бѣлоруссы, составляютъ вообщемъ около 45% населенія, но въ различныхъ уѣздахъ они распредѣлены неравномѣрно. Такъ, въ Бѣльскомъ уѣздѣ ихъ очень мало (3 т. на 165 т.), въ Бѣлостокскомъ они составляютъ только четверть населенія (въ гор. Бѣлостокѣ не болѣе

$^1/_{23}$), но въ остальныхъ они образуютъ преобладающее населенiе, хотя въ г. Гроднѣ къ нимъ относится не болѣе $^1/_8$ жителей. Такимъ образомъ здѣсь должно отойти болѣе молумилліона, а съ другими двумя выступами до милліона бѣлоруссовъ.

На югѣ, какъ сказано, замѣчается распространенiе къ сѣверу малоросовъ, которые пошли до Припяти и даже мѣстами перешли ее, хотя и бѣлоруссы кое гдѣ распространились къ югу отъ Припяти. Во всякомъ случаѣ Припять является естественной границей, и притязанiе Украины захватить себѣ полосу земли вдоль сѣвернаго берега этой рѣки съ проходящей по ней желѣзной дорогой не имѣетъ никакихъ основанiй, кромѣ стремленiя къ большей экономической выгодѣ. Далѣе, къ востоку Украина желаетъ выпрямить свою сѣверную границу насчетъ бѣлорусскихъ уѣздовъ Мозырскаго, Рѣчицкаго и Гомельскаго съ ихъ уѣздными городами и проходящей по нимъ желѣзной дорогой черезъ Новозыбковъ къ Брянску, причем предполагаемая граница должна пройти не только по широтѣ, но и направиться косвенно къ сѣверо-востоку. Украина заявляетъ именно притязанiе на четыре сѣверныхъ уѣзда Черниговской губ., въ которых украинцевъ почти нѣтъ, и изъ которыхъ Суражскiй – чисто Бѣлорусскiй, а въ Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и Стародубскомъ преобладают даже великоруссы, въ Стародубскомъ, напр., имѣются многочисленныс колонiи великорусскихъ старообрядцевъ, предки которыхъ поселились здѣсь въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ. Въ Смоленской губернiи граница между бѣлорусской и великорусской народностью не выражена рѣзко; нѣкоторые, какъ Карскiй, и особенно Московская дiалектологическая комиссiя склонны относить ее слишкомъ къ востоку, даже до Сычевскаго и Вяземскаго уѣздовъ, что даже Карскiй считаетъ преувеличеннымъ. По мнѣнiю этого изслѣдователя, Гжатскiй, Юхновскiй, Сычевскiй и Вяземскiй уѣзды должны быть признаны южновеликорусскими, а остальные 8 уѣздовъ, должны отойти къ бѣлоруссамъ. Однако онъ самъ замѣчаетъ, что къ востоку отъ Смоленска бѣлорусское нарѣчiе все болѣе уступаетъ мѣсто великорусскому. Во всякомъ случаѣ, граница Бѣлоруссiи охватываетъ большую западную часть Смоленской губернiи.

Подводя итоги нашему разсмотрѣнiю границъ мы можемъ придти къ такому заключенiю, что въ естественные предѣлы Бѣлоруссiи дожны войти губернiи: Витебская, Виленская и Гродненская въ большей ихъ части, почти вся Минская и вся Могилевская, четыре сѣверныхъ уѣзда Черниговской и большая западная половина Смоленской губ. Карскiй опредѣляетъ общую численность бѣлоруссовъ къ концу 1917 приблизительно въ 9, 3 милл., но если вычесть отсюда бѣлоруссовъ губернiй Калужской, Курляндской, Орловской, Сувалковской, Псковской, Тверской и Ковенской, то остается около 9 милліоновъ, изъ которыхъ надо выключить около милліона населенiя, отходящаго по Брескому договору къ Литвѣ и Польшѣ, да еще неизвѣстное число, оспариваемое Украиной. Если домогательства ея увѣнчаются успѣхомъ, то къ ней должны будутъ отойти около 600 тыс.

бѣлоруссовъ и тогда останется самое большее около 7—6 милліоновъ бѣлорускаго народа, имѣющаго право на политическо-національную автономію, въ ближайшей связи, какъ слѣдуетъ надѣятся, съ Великороссіей. Но мнѣ хочется думать, что это распаденіе на части Россіи не будетъ вѣчнымъ, что части эти сознаютъ наконецъ потребность и необходимость въ возсоединеніи, въ образованіи снова общей Великой Россіи, но не съ преобладаніем одной части надъ другой, не съ ограниченіемъ правъ отдѣльныхъ народностей, а съ полнымъ ихъ равноправіемъ и со свободой культурнаго развитія каждаго изъ нихъ, при разумномъ соединеніи, конечно, интересовъ частныхъ съ общими и при дружной работѣ интеллигенціи, всѣхъ ея частей въ общихъ цѣляхъ духовнаго прогресса и народнаго блага.

Д. Анучинъ

11 августа 1918 г.
